

Г л а в а V I I I .

КРИТИКА СУБЪЕКТИВИСТИЧЕСКОГО, ДУАЛИСТИЧЕСКОГО И МЕХАНИКО-МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО РАЗРЕШЕНИЯ ПСИХОФИЗИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМЫ.

Прежде чем перейти к положительным взглядам Плеханова по вопросу о том, каково отношение психики к той материи, коей она присуща, мы остановимся в настоящей главе на той критике, которой он подвергает неверные разрешения психофизической проблемы.

1. Почти до середины XIX в. в психологии господствовало метафизическое направление, считавшее, что есть душа, дух, как особая духовная, нематериальная субстанция. Сторонники такой субстанции видели в ней или, как идеалисты-монисты, определяющую первопричину бытия, или, как дуалисты, субстанцию сосуществующую параллельно, наряду с телесной субстанцией.

Марксизм отвергает обе упомянутые выше метафизические точки зрения.

а) Начнем с критики Плехановым метафизического идеалистически-монистического разрешения психофизической проблемы.

Когда мы рассматриваем человека как субъекта истории, как активного деятеля, он противостоит окружающему объективному бытию—природе. Когда мы сопоставляем объективное общественное бытие с его отражением психикой, то последняя, как отражение, не есть часть отражаемого объективного общественного бытия. Когда мы ставим теоретико-познавательную проблему, то мышление, отражающее в себе окружающее нас объективное бытие, не есть часть отражаемого объективного бытия.

Но дело меняется, когда мы ставим вопрос о том, что же представляет собой эта психика в нас, в отношении к нашему телу, что же представляет собой сам человек с его психикой.

В «Материализме и эмпириокритицизме» Ленин пишет: «Что в понятие материи надо включить и мысли, как повторяет Дицген в «Экскурсиях»—это путаница, ибо при таком включении теряет смысл гносеологическое противопоставление материи духу, материализма идеализму, на каком-то противопоставлении Дицген сам настаивает». «За этими пределами оперировать с противоположностью материи духу, физического и психического, как с абсолютной противоположно-

стью материи духу, физического и психического, было бы громадной ошибкой»¹.

За пределами гносеологии дух, психическое, включается в материю, и Ленин утверждает, что «ощущение не есть нечто первичное, а есть одно из свойств материи»². Ту же мысль проводит Маркс, заявляя: что «веществу природы, он (человек.—Ю. Ф.) сам противостоит как сила природы», а также Энгельс, утверждая, что мы нашей плотью, кровью и мозгом принадлежим природе и внутри ее находимся.

В полном согласии с ними Плеханов заявляет, что «субъект сам является одной из составных частей объективного мира», что «человек есть лишь часть природы, часть бытия», что, по прекрасной мысли Фейербаха, «я ощущаю и мыслю вовсе не как субъект, противостоящий объекту, а как субъект-объект, как действительное, материальное существо», что «объективный мир находится не только вне меня; он также во мне самом, в моей собственной коже»³. Но если человек представляет собой силу природы, часть природы, часть объективного мира, субъект-объект, то и психика, субъективное, не может быть особой нематериальной субстанцией.

И Плеханов солидаризируется с Чернышевским в том, что «ошибались мыслители, относившие психические явления на счет особой субстанции», «что таковой особой субстанции не существует», и что «психические явления представляют собой не более как результат деятельности человеческого организма»⁴. Он соглашается также с Фейербахом в том, что «мышление не причина бытия, а его следствие, или, точнее, его свойство»⁵, что «Я не отвлеченное существо, с которым оперирует идеалистическая философия, а существо действительное», что «мое тело принадлежит к моей сущности, более того—мое тело, как целое, и есть мое Я, моя истинная сущность», и что «думает не отвлеченное существо, а именно это действительное существо, это тело»⁶.

«Для человеческого тела,—говорит Плеханов,—результат действия на него тела внешнего будет с объективной стороны чисто материальным (новое состояние известных тканей), а с субъективной—психологическим (известное восприятие). Но и с той и с другой стороны он будет состоянием познающего объекта, т. е. субъекта»⁷, или, как он выражается в другом месте, «объективным свойством, которое может быть изучено, т. е. познано»⁸.

Как объективное состояние, как объективное свойство объекта, психика представляет собой явление естественного мира. По мнению Пле-

¹ Ленин, т. X, стр. 205.

² Там же, стр. 29.

³ Т. VIII, стр. 32.

⁴ Т. V, стр. 198.

⁵ Т. XVIII, стр. 189.

⁶ Там же, стр. 187—188.

⁷ Там же, стр. 317.

⁸ Т. XVII, стр. 173.

ханова Фридрих Энгельс согласен с Гольбахом в том, что «психическая жизнь животного представляет лишь естественное проявление», и что для ее изучения незначит «выходить из области исследования природы»¹. Таким образом, заявляет Плеханов, «обратно тому, что утверждают идеалисты, действительное материальное существо оказывается субъектом, а мышление—предикатом. В этом и состоит единственное возможное разрешение того противоречия между бытием и мышлением, над которым так тщетно бился идеализм»².

Метафизически-монистическому идеализму, признающему особую духовную субстанцию, как основу бытия, марксизм противопоставляет монистический материализм, согласно коему человек есть часть природы, часть объективного мира, часть бытия, а именно субъект-объект, т. е. объект, в котором психика является предикатом, свойством, результатом деятельности, согласно коему психика представляет собой явление объективного мира, объективное свойство, состояние объекта, естественное проявление организма.

б) Плеханов критикует также метафизически-дуалистическое учение о духовной субстанции. Он солидаризируется с Гексли в том, что «помимо субстанции, обладающей протяжением, нет никакой другой мыслящей субстанции» и что «сознание подобно движению есть функция материи»³, и считает не нуждающимся в толкованиях утверждение Чернышевского о том, что «отстранена всякая мысль о дуализме человека», что если бы человек имел, кроме реальной своей природы, другую природу, то эта другая природа непременно обнаруживалась бы в чем-нибудь, а так как она не обнаруживается ни в чем, так как все происходящее и проявляющееся в человеке происходит по одной реальной его природе, то, следовательно, другой природы в нем нет⁴.

Плеханов утверждает, что дуализм—это «фантастический способ ненатурального дробления человека на разные половины, происходящие из разных натур»⁵. Дуализм фантастичен потому, солидаризируется он с Фейербахом, что «мышления, независимого от человека, т. е. от действительного материального существа, нет и быть не может»⁶.

Метафизически-дуалистическому учению о двух самостоятельных субстанциях марксизм противопоставляет материалистический монизм, учение о том, что есть одна только субстанция, которая обладает особой способностью, особым свойством мыслить и для которой психика является одним из свойств, одним из предикатов, одним из «атрибутов».

2. Начиная с XIX в., когда стала развиваться биология, когда увеличились наши знания о человеческом организме и когда в нем не было найдено никаких признаков наличия особой духовной нематериальной

¹ Т. VIII, стр. 32.

² Т. XVIII, стр. 188.

³ Т. XI, стр. 112.

⁴ Т. V, стр. 29—30.

⁵ Там же, стр. 194.

⁶ Т. XVIII, стр. 196.

субстанции, народилось новое направление в психологии—эмпирическая психология, которая формально отказалась от учения о человеческой душе, как особой субстанции, и от решения философской проблемы тела и духа, которая стала будто бы только на почву эмпирического факта: «есть и сознание и физиологические процессы в нервной системе», как два отдельных явления, и которая начала формально изучать уже не душу, как особую субстанцию, а реально имеющиеся у человека состояния, явления, процессы сознания.

Однако эмпирическая психология характерна не своей свободой от философии, а свободой для каждого эмпирика придерживаться любой философской точки зрения, ибо фактически все эмпирики разрешают психофизическую проблему, причем в основном одни из них являются сторонниками психофизического параллелизма (дуализма), а другие—теории психофизического взаимодействия.

Эти две теории сходны между собой в том отношении, что они видят в субъективном не только нечто особое, но и отдельное, раздельное от физиологии, но различаются в понимании «связей» между субъективным и физиологическим. Параллелисты не признают этой связи, точнее взаимодействия, вмешательства субъективного в физиологическое и обратно, а сторонники теории взаимодействия признают взаимное влияние, вмешательство субъективного на физиологическое и обратно.

а) Отношение Плеханова к психофизическому параллелизму (дуализму) и к психофизическому взаимодействию выявляется в связи с защитой им «материалистического учения Спинозы» от неправильной интерпретации Петцольда, гласившей: «Души двух людей А и В не могут ничего сообщить друг другу, так как они являются совершенно изолированными и одна от другой. Лишь тела их, а именно головные мозги обоих, находятся через посредство выразительных движений, в частности же движений органов речи, во взаимной связи; лишь головные мозги ведут беседу, души ничего об этом не знают». Как мы видим, Петцольд понял учение Спинозы, во-первых, дуалистически, т. е. что мозг и душа суть изолированные одно от другого явления, и, во-вторых, полагал, что, по Спинозе, из этих двух изолированных явлений важнейшее материальное явление, поскольку «сговариваются» мозги.

В этом отношении интересно сравнить интерпретацию Петцольда с интерпретацией главы русских эмпириков—Челпанова. Челпанов стоит на точке зрения психофизического параллелизма, называемого им эмпирическим дуализмом. Желая спасти пошатнувшиеся под ударами материалистов и марксистов-психологов позиции эмпирической психологии, согласно коей «явления психические и явления материальные представляют два различные мира явлений»¹, он интерпретирует учение Спинозы следующим образом: «По спинозизму, есть некоторая реальность X, которая может быть нами познаваема двояким способом: при помощи внутреннего опыта—тогда оно будет психическим. Эти два вида познания будут познанием двух совершенно различных явлений». «Оба эти

ряда явлений представляют собой замкнутые круги явлений. Ни психические явления не вмешиваются в материальные, ни материальные явления не вмешиваются в психические. Они совершаются одновременно и протекают параллельно друг с другом, отчего и само учение носит название также параллелизма»¹. И здесь перед нами, во-первых, дуалистическое толкование спинозизма (два замкнутых круга явлений) и, во-вторых, в отличие от Петцольда, признание равноценности, «равноправности» обоих миров явлений.

Вопрос о том, равноценны ли, «равноправны» ли или нет психическое и физическое, мы рассмотрим в следующей главе, в другой связи, а пока рассмотрим взгляд Плеханова на дуалистическое толкование учения Спинозы, как учения о двух независимых рядах явлений, и на психофизический параллелизм, как таковой.

Плеханов резко выступает против дуалистического толкования материалистического учения Спинозы о единой субстанции с двумя атрибутами—протяжением и мышлением. Он находит «невероятным» вывод Петцольда.

«Если бы,—говорит Плеханов,—по учению Спинозы, мозги могли вести между собой такие беседы, о которых ничего не знали бы «души», то он был бы не монистом, а дуалистом, и перед нами опять стояли бы две независимые одна от другой субстанции, причем к одной из них—к «душе»—были бы приурочены все психические явления, между тем как другая—«тело»—признавалась бы неспособной ни ощущать, ни мыслить, вследствие чего стало бы уже совершенно непостижимым, каким образом могут вести беседу такие материальные вещи, как мозги. Чтобы выйти из затруднения, оставалось бы только допустить, что материя может мыслить, т. е. оставалось бы только вернуться к учению того самого Спинозы, для опровержения которого придуман был «вывод» насчет беседующих между собою «мозгов» и «изолированных душ»².

Как когда-то Петцольд, так и в настоящее время Челпанов неверно интерпретируют спинозизм, как дуализм, ибо Спиноза, по мнению Плеханова, был материалистом-монистом.

Плеханов противопоставляет дуалистическому, психофизическому параллелизму, разрывающему психическое и физиологическое на два раздельных и независимых мира явлений материалистически-монистическое учение о единстве субъекта и объекта, мышления и бытия, в форме мыслящей материи. По мнению Плеханова, это учение в одинаковой мере свойственно как Фейербаху, так и Марксу—Энгельсу и наиболее выдающимся материалистам XVII и XVIII вв., а также и современной науке. «Совсем близко,—заявляет он,—подходит к новейшему материализму, материализму Фейербаха—Маркса—Энгельса», Август Форель, поскольку «главная мысль» Фореля «в конце концов» «сводится к тому положению, что сознание есть «внутренний рефлекс» мозговой деятельности, что представляет собой чисто материалистический взгляд»³.

¹ Челпанов, Психология или рефлексология, стр. 39.

² Т. XVII, стр. 127—128.

³ Т. XVIII, стр. 192.

Однако справедливость требует указать на то, что сторонники психофизического параллелизма могут сослаться на одно «убийственное» место у Плеханова, в его предисловии к «Л. Фейербах», убийственное своим будто бы положительным отзывом о психофизическом параллелизме.

Приведа цитату из Гексли о том, что «основы психологии заключаются в физиологии нервной системы», Плеханов утверждает: «Это именно то, что говорят материалисты, и Энгельс совершенно прав, говоря в предлагаемой брошюре, что агностицизм есть лишь застенчивый материализм. Современная психофизиология насквозь пропитана духом материализма. Правда, некоторые психофизиологи отговариваются от материалистических выводов посредством учения о параллелизме психических и физических явлений. Но в данном случае констатирование параллелизма несомненно является лишь средством открытия причинной связи между явлениями, как это разъяснил еще Александр Бэн»¹.

Разберемся в мысли Плеханова. Проводимая им здесь параллель между агностицизмом и психофизическим параллелизмом очень важна. Агностицизм включает в себе материалистические элементы, что составляет его положительную сторону и что делает его материализмом, но он имеет и другую, отрицательную сторону, а именно, идеалистическую боязнь материализма, что и заставляет Энгельса назвать его стыдливым материализмом и еще резче путаным эклектизмом и в силу этого отвергнуть.

Только в свете этого отношения марксизма к агностицизму можно и нужно подойти к оценке Плехановым психофизического параллелизма и к его утверждению, что современная психофизиология, отговариваясь от материализма, проникнута все же духом материализма и пытается помощью параллелизма открыть причинную связь между субъективным и физическим.

Господствовавшая до середины XIX в. идеалистическая, метафизическая психология исходила из идеи о душе, как особой духовной, нематериальной субстанции и не могла поэтому выяснить истинную причинную связь между нашими субъективными переживаниями и физиологией нервно-мозговой системы. Современная же Плеханову эмпирическая психология стала, под напором естественных наук, изучать физиологию нервной системы, включать соответственный физиологический материал в свои исследования. Но она включала его, во-первых, только, в лучшем случае главным образом в отношении низших психических функций, во-вторых, вопреки своей установке, вопреки определению ею психологии как науки только о состояниях, явлениях и процессах сознания, в-третьих, только фактически, стихийно, отгораживаясь формально и принципиально от материализма и прикрывая это свое противоречие психофизическим параллелизмом. Поскольку современная Плеханову, да и нам, эмпирическая психология фактически включала физиологический материал, постольку она фактически пропитывалась духом материализма, постольку она ста-

ла фактически на путь, ведущий к установлению, к открытию причинной связи между субъективным и физиологическим, постольку она превращалась в материализм. Но поскольку она прониклась духом материализма только фактически, поскольку она формально и принципиально отказывалась от материализма, отговаривалась, отгораживалась от него, в силу своей общеидеологической классово-обусловленной идеалистической установки, постольку она является только стыдливым материализмом, а следовательно, и замаскированным, стыдливым идеализмом. т. е. половинчатым, раздвоенным, путаным эклектизмом.

Эмпирическая психология сделала шаг вперед от идеализма, от субъективизма, и в этом ее положительная, в сравнении с ее старшей сестрой, явно идеалистической психологией, сторона. Но это шаг только половинчатый, точнее полушаг, оставивший эмпирическую психологию на перепутьи, посредине между идеализмом и материализмом, и в этом ее слабая сторона. Следовательно, положительность эмпирической психологии относительна и положительная сторона отзыва Плеханова не должна затенять отрицательную сторону, не должна заслонять общую итоговую неприемлемость эмпирической психологии, как путано-эклектической, половинчатой, не только стыдливо-материалистической, но и стыдливо-идеалистической. Хотя Плеханов видит, признает, подмечает, подчеркивает положительные моменты параллелистического подхода к психофизической проблеме в сравнении с подходом идеалистически-метафизическим и дуалистически-метафизическим, он в итоге отвергает также и эту эмпирическую, по существу дуалистическую теорию.

б) Теперь перейдем к отношению Плеханова к теории психофизического взаимодействия.

Плеханов резко выступает против упрека, брошенного Петцольдом Спинозе, что замена учения о двух субстанциях учением о двух атрибутах одной субстанции представляет собой только переименование старых понятий, оставляющее попрежнему неизвестным, каким образом материальные мозговые процессы вызывают нематериальные, душевные и обратно, или каким образом устанавливаются между обоими; неимеющими ничего между собой общего моментами закономерные отношения. «Странно,—говорит Плеханов,—упрекать Спинозу в том, что он не объяснил, каким образом материальные мозговые процессы вызывают нематериальные, душевные. Ведь автор «Этики» именно утверждает, что процессы этого второго рода не вызываются процессами первого рода, а только сопровождают их. «Душа и тело,—говорит Спиноза,—одна и та же вещь, которая рассматривается то под атрибутом мышления, то под атрибутом протяжения». «Атрибут мышления не вызывается атрибутом протяжения, а представляет собой лишь обратную сторону одной и той же вещи, одного и того же процесса». Ставя так вопрос, Спиноза, по мнению Плеханова, дает нашим представлениям совершенно новое монистическое содержание, делающее не безразличным название «две субстанции» или «два атрибута одной субстанции» и «лишающее упрек Петцольда всякого

¹ Т. XVIII, стр. 261.

смысла»¹. Солидаризируясь со Спинозой, Плеханов тем самым отвергает психофизическое взаимодействие. Данная мысль не вызывается данным физиологическим процессом, и наоборот, ибо они суть только две качественные характеристики одной и той же субстанции, две нераздельные, неотделимые стороны свойства, атрибута, предиката единой материи, одновременно являющиеся, одновременно наличествующие.

3. Теперь перейдем ко взглядам Плеханова на теорию психофизического тождества.

а) Плеханов прежде всего резко выступает против идеалистического отождествления материальных физиологических процессов с психикой. Шулятникова, очень восторженно отзывавшегося о Богданове, в частности за то, что Богданов лишил спекулятивную философию «права» оперировать с понятиями «духа и тела», Плеханов спрашивает: «Какая же судьба постигла материалистическую философию Маркса. Лишилась ли и эта философия «права» оперировать двумя понятиями. Если нет, то ясно, что статья г. Богданова совсем не открывает собой новой эры. Если—да (и так оно и есть), то не менее ясно, что «русский марксист (Богданов.—Ю. Ф.) отличился в философии тем, что мимоходом ниспроверг философию самого Маркса и принадлежит к числу идеологов «буржуазии»².

Богдановизм, отказывающийся от материалистического оперирования двумя понятиями—«тело» и «дух» и сводящий их к одному понятию «психический опыт», есть разновидность буржуазно-идеалистического махизма, есть опровержение, отрицание марксизма, так как марксизм оперирует по-своему, т. е. материалистически, с телом и духом, как двумя неотделимыми, но своеобразными чертами единого организма, не как с тождеством, а как с единством. Эта оценка Плехановым идеалистического тождества вполне совпадает с той жестокой оценкой, которую дал последнему В. И. Ленин в его «Материализме и эмпириокритицизме».

б) Что же касается механико-материалистического отождествления психики с физиологией, то Плеханов считает «сугубым абсурдом, не заслуживающим опровержения», повторяемое Кроче мнение, по которому философский материализм состоит в признании, что духовные явления представляют лишь нереальную видимость, под которой скрываются физические явления³. Психика не видимость, а реальное свойство материи и не только реальное, но и особое, не тождественное с другими свойствами. «Ощущения, вызванные в субъекте действием на него объекта,—говорит Плеханов,—совсем непохожи на этот последний, как непохожи они и на субъект»⁴.

Психика, как особое реальное свойство материи, не тождественна с движениями. Плеханов солидаризируется с Пристли, во-первых, в том, что была бы очень большим злоупотреблением материали-

¹ Т. XVIII, стр. 123.

² Т. XVII, стр. 143.

³ Т. XI, стр. 342—343.

⁴ Там же, стр. 129.

стического учения та мысль, что «вибрации (т. е. движения.—Ю. Ф.) мозга тождественны с восприятием», и, во-вторых, в том, что «мозг, кроме своей способности к вибрациям, имеет также способность воспринимать или чувствовать».

Плеханов, однако, признает, что у Чернышевского есть такие строки, которые могли подать и действительно подали повод к недоразумению в смысле отождествления психики, субъективного с физическим. Слова эти следующие:

«Мы знаем, в чем состоит, например, питание: из этого мы уже знаем приблизительно, в чем состоит, например, ощущение: питание и ощущение так тесно связаны между собой, что характером одного определяется характер другого».

Но по мнению Плеханова, мысль Чернышевского означает не отождествление психического и физического, а совсем другое, а именно: «существо, чувствующее, что в нем происходит ощущение, есть материальное существо, организм, испытывающий на себе действие внешнего предмета. Действие это состоит в том, что так или иначе приходят в движение те или другие части организма. Это движение известных частей организма вызывает известное ощущение, но оно не тождественно с ощущением: оно представляет собой лишь объективную сторону того самого явления, которое с субъективной стороны, т. е. тому существу, в котором совершается этот процесс движения,—представляется как ощущения. У Чернышевского, как и у Фейербаха, эти две стороны явления—субъективная и объективная, теснейшим образом связаны между собой: но они не отождествляются одна с другой. Напротив, Чернышевский, подобно Фейербаху, восстал бы против такого отождествления»¹.

Плеханов проводит здесь мысль, высказанную еще Энгельсом: «Мы, несомненно, «сведем» когда-нибудь экспериментальным образом мышление к молекулярным и химическим движениям в мозгу, но исчерпывается ли этим сущность мышления». Таков же и взгляд Ленина. «Не в том состоит материализм,—пишет он,—чтобы выводить ощущение из движения материи или сводить к движению материи, а в том, что ощущение признается одним из свойств движущейся материи».

Марксизм отвергает также мысль о том, что психика—это составная часть материи или особая материя. Как известно, Энгельс назвал грубым, вульгарным материализмом мысль о том, что психика выделяется из мозга, как желчь из печени. Ту же мысль защищает и Плеханов. Споря с Петцольдом, который утверждал, что «мы можем разложить вещи на целый ряд исключительно переменных качеств, на языке психологии, ощущений... но никогда... не сумеем обнаружить части, не определяемые своими качествами», Плеханов заявляет, что «с точки зрения материализма такая постановка вопроса прямо нелепа», ибо «качество вещи вовсе не есть ее составная часть». В этом не трудно убедиться, взяв для примера хотя бы такую всем известную вещь, как вода: «если мы разложим воду на ее составные части, то мы

¹ Т. V, стр. 198—199.

получим кислород и водород. Эти два элемента суть составные части воды. Но можно ли назвать их ее качествами. Это было бы простительно разве только для гоголевского Поприщина. Качествами вещи, или «чтобы употребить более общий и более точный, в данном случае термин, ее свойствами,—мы, материалисты, называем ее способность изменяться известным образом, при известных условиях и вызывать соответствующие изменения в других вещах, так или иначе связанных с ней»¹. Качество, точнее свойство,—это способность изменяться, это изменчивость материи. Психика, как особое свойство, как особое качество представляет собой внутреннюю изменчивость материи, точнее изменчивость ее внутренних состояний, переход из одного внутреннего состояния в другое. Как изменяющееся внутреннее состояние материи психика не есть составная часть материи.

Всякое устранение одного из членов антиномии, все равно какого—материи или, наоборот, мышления, психики—есть ошибка, есть только мнимое разрешение проблемы. Если идеалистическое отождествление физиологии с психическим явно идеалистического порядка, то механико-материалистическое отождествление психического с физиологическим есть бессознательный идеализм. Заявляя, как мы видели выше, что Чернышевский восстал бы против отождествления психического с физическим, Плеханов добавляет, «он (Чернышевский.—Ю. Ф.) справедливо увидел бы в нем бессознательное повторение одной из коренных ошибок идеализма—мнимое разрешение антиномии между субъектом и объектом посредством устранения одного из ее элементов»².

При такой оценке нет ничего удивительного в том, что Плеханов называет «будто бы материалистами» тех, которые отождествляют психическое с физическим. Они являются будто бы материалистами, во-первых, потому, что устранение мышления, психики вообще не есть материалистическое разрешение антиномии; во-вторых, потому, что, не разрешая вопроса о правильных взаимоотношениях между двумя членами антиномии—физиологическое и субъективное и отрицая один из его членов, точнее отождествляя психическое с физиологическим, они смазывают субъективное как особое, отличное от движения, от физиологии свойство материи; в-третьих, потому, что мысль о мозгах, сговаривающихся между собой без души, ведет, как мы видели выше, к дуализму; и, наконец, в-четвертых, потому, что отождествление психического с физиологическим есть бессознательная, скрытая форма идеализма, открывающая дверь и для явного идеализма. «Физиологический материализм,—говорит Плеханов,—насквозь открывает дверь для исторического идеализма»³. Таким образом Плеханов отвергает следующие теории, пытавшиеся разрешить психофизическую проблему: идеалистически-спиритуалистический монизм, метафизический дуализм, так называемый эмпирический дуализм, т. е. психофизический параллелизм,

теорию психофизического взаимодействия, идеалистическое учение о тождестве физического с психическим и механико-материалистическое учение о тождестве психического с движением или частью материи.

В этой критике Плехановым отвергаемых им точек зрения содержатся уже и его собственные взгляды. Но они взяты разрозненно, лишь постольку, поскольку они нужны были для выяснения критики Плехановым отдельных неправильных точек зрения. Поэтому мы посвятим ближайшую главу целеному освещению собственных взглядов Плеханова на взаимоотношение психического, субъективного, и той материи, коей оно присуще.

¹ Т. XVII, стр. 114—115.

² Т. V, стр. 199.

³ Там же, стр. 198.